

Это, пожалуй, был первый раз в жизни, когда Его Высочество наследный принц говорил подобные слова.

Смешно — после встречи с этим маленьким лисёнком его принципы словно начали рушиться один за другим, и он постоянно делал вещи, о которых раньше даже не думал.

Лисёнок по-прежнему выглядел непонимающим; он смотрел на Цзян Шэня с лёгким сомнением в глазах.

— Но я же уже очень тебя люблю, — сказал Ли Жуань.

Он действительно любил Цзян Шэня.

Раньше в его жизни не было никого, кто мог бы быть с ним так долго, рассказывать ему истории, готовить вкусную еду...

Он старался выполнять почти все его просьбы, хотя Ли Жуань видел, что порой Цзян Шэнь и не слишком доволен.

Цзян Шэнь покачал головой:

— Недостаточно.

Ли Жуань:

— А?

— Я сказал, ты любишь меня недостаточно, — тихо пояснил Цзян Шэнь. — А-Сюэ прав: смертные эгоистичны. Не только эгоистичны, но и жадны, и ненасытны.

Он ясно понимал, что лисёнок думает лишь о практике и вознесении.

Если бы Цзян Шэнь был великодушным, добрым человеком, он бы не цеплялся ни за что, делал бы всё ради него и исполнял бы его желания...

Но Цзян Шэнь не хотел мириться с этим.

Первый раз в жизни наследный принц влюбился — как же он мог так просто сдаться?

Хотя бы попытаться он обязан.

Этот маленький лис ничего не видел в жизни, знал только практику — ни любви, ни привязанностей он не понимал.

Если так, то Цзян Шэнь будет учить его понемногу. Объяснит ему всё — шаг за шагом.

Он хотел увидеть, сможет ли он заставить этого маленького лиса вырастить смертное сердце, бьющееся только из-за него.

Цзян Шэнь упёр одну руку в ствол дерева и наклонился, чтобы лисёнок мог смотреть на него.

Он взгляделся в эти ясные, блестящие глаза и очень тихо сказал:

— Поэтому я хочу, чтобы ты любил меня больше. Хорошо?

— У тебя слишком высокие требования, — Ли Жуань нахмурился, будто это доставляло ему трудности. — Ты хочешь, чтобы я любил тебя настолько сильно, чтобы быть готовым к двойному культивированию?

— Хм, — ответил Цзян Шэнь. — Разве нельзя?

Ли Жуань:

— Ну...

Он долго думал.

Цзян Шэнь был уверен, что лисёнок либо начнёт торговаться, либо просто заявит, что если он не согласен, он найдёт другого.

Но этого не произошло.

Лисёнок наклонил голову, подумал, а потом улыбнулся:

— С сегодняшнего дня я постараюсь любить тебя немного больше каждый день.

Сердце Цзян Шэня невольно смягчилось.

Ли Жуань продолжал болтать:

— Но я не знаю, как любить больше. Не требуй слишком многого, мне нужно учиться постепенно, и...

Когда он говорил, его губы открывались и закрывались, мягкие, почти словно влажные, и бледно-розовый кончик языка иногда мелькал.

Цзян Шэнь опустил взгляд и перестал слушать.

— Эй, — заметил Ли Жуань. — Ты меня слушаешь?

Цзян Шэнь внезапно наклонился вниз, и как только Ли Жуань открыл рот, их губы соприкоснулись.

Касание было быстрым, но в нём будто пробежал слабый электрический разряд.

Ли Жуань замер, инстинктивно пытаясь отпрянуть назад — но за спиной был ствол дерева, и ему некуда было уйти.

— Ты слишком близко... — прошептал он, отворачиваясь.

— Ты же сам хочешь учиться, — Цзян Шэнь взял его за подбородок и мягко повернул лицо обратно. — В мире смертных люди, которые любят друг друга, делают вот так.

— Как? — спросил Ли Жуань.

Цзян Шэнь подумал и ответил:

— Наверное... немного похоже на то, как ты воруюшь мою эссенцию.

Ли Жуань распахнул глаза:

— Так ты знал!

Конечно, Цзян Шэнь знал.

Этот маленький прохвост постоянно пользовался его беспомощностью, и не раз приходил ночью слизать с него эссенцию.

И ему было мало просто облизывать снаружи — он пытался просунуть язык в рот и вылизывать всё изнутри.

Цзян Шэнь ловил его на этом не меньше семи-восьми раз — только когда находился между сном и явью.

— Тогда почему ты мне ничего не сказал?

Потому что в последнее время Ли Жуань слишком увлекался поглощением сущности, он боялся, что привыкание станет всё сильнее, и специально договорился с Цзян Шэнем, что будет брать сущность только два раза в день — после того, как тот выпьет лекарство.

Но иногда он всё же немного голодал.

Особенно глубокой ночью — когда рядом спал такой большой, живой и полный энергии человек, совсем невозможно было не лизнуть.

Если никто не увидит — значит, он не воровал и не нарушал обещание.

Так Ли Жуань всегда сам себя успокаивал.

— Почему ты мне ничего не сказал! — возмутился Ли Жуань. — Ты должен был меня остановить! А если бы я съел слишком много?! Ты ведь... такой...

Очевидно, он сам себя обманывал, а теперь ещё обвинял Цзян Шэня за то, что тот не уличил его.

Цзян Шэнь впервые видел настолько бессовестного оборотня.

Цзян Шэнь просто закрыл ему рот.

Это был его первый поцелуй. Он не имел опыта.

Но для таких вещей опыт и не нужен.

Он следовал инстинкту: раскрыл его губы, вспомнил, как сам лисёнок поступал с ним, и изучал его рот изнутри — медленно, тщательно, не упуская ни одного уголка.

И делал это так осторожно, что поцелуй длился очень долго.

Когда он отпустил, Ли Жуань уже слегка кружился — и выглядел ещё глупее обычного.

— Ты меня обманул, — пожаловался он. — Это совсем не похоже на поглощение эссенции.

Цзян Шэнь невинно приподнял брови:

— А чем отличается?

Ли Жуань не смог ответить.

Но отличается — и сильно.

Когда он ел духовную сущность, он только мягко облизывал; он не тянул язык так глубоко, не мешал другому дышать.

И не было этого странного ощущения... будто тебя полностью захватывают.

— Я сам попробую, — Ли Жуань ухватил Цзян Шэня за одежду и потянулся вперёд, собираясь повторить. Но внезапно замер.

Он наклонил голову, а его ушки настороженно поднялись.

Цзян Шэнь слишком хорошо знал этот взгляд — так лисёнок выглядел, когда замечал добычу в лесу.

— Что случилось? — тихо спросил он.

— Кажется... кто-то есть, — ответил Ли Жуань.

У конца горной тропы неожиданно появился человек.

Высокий, худощавый юноша в светлой, потёртой одежде учёного.

Одежда была порвана ветками, тело покрыто снегом, губы посинели от холода.

Он дрожал и, казалось, мог упасть в обморок в любую секунду.

Цзян Шэнь быстрым движением спрятал Ли Жуаня за дерево и аккуратно прижал его к стволу.

— Он тоже пришёл за тобой? — шёпотом спросил Ли Жуань.

— Не совсем, — ответил Цзян Шэнь.

Он задумался, потом тихо велел:

— Прячься.

Ветер на горе был пронизывающим.

Юноша, опираясь на толстую ветку, кашлял под порывами холода — и потому не заметил, как кто-то приближается без звучных шагов.

Цзян Шэнь мягко оттолкнулся носком обуви, отклонил ладонь, уже готовую ударить юношу в спину, и вместо этого схватил его за плечо.

— А! — юноша не успел даже вскрикнуть толком.

Цзян Шэнь резко толкнул его вниз, закрутил руки за спину и прижал лицом в снег.

Он удерживал его одной рукой так крепко, что тот не мог пошевелиться.

— Кто ты? — мрачно спросил Цзян Шэнь. — И что ты здесь делаешь?

— Я... я... — юноша дрожал так сильно, что даже не смог сразу произнести связного слова.

Тело у него было совсем слабое, ледяное.

Если оставить его здесь, он и правда мог бы замёрзнуть насмерть

.

Цзян Шэнь оставался бесстрастным. Он постепенно усилил захват, пока юноша не вскрикнул от боли.

— Бессмертный, пощадите! — взмолился тот. — Бессмертный, простите! Я... я пришёл... пришёл просить лекарства!

Цзян Шэнь ослабил хватку:

— Какого лекарства?

— Моя... моя жена на шестом месяце беременности. Она сопровождала меня, бедного учёного,

в столицу на экзамены. Но полмесяца назад простудилась... Я приводил многих докторов, но все говорят, что она от рождения слаба, болезнь слишком тяжёлая, лекарства нет...

— Я... я услышал, что на горе Чанмин есть целебная трава, способная вернуть человека с того света... и пришёл просить её.

Цзян Шэнь отпустил его.

Юноша не мог даже подняться — он упал прямо в снег и кашлял так, что его бросало в дрожь.

И было видно, что он не лжёт.

Если бы это был обученный убийца, даже в измождённом состоянии тело не смогло бы полностью скрыть боевую выправку.

А этот человек был хрупким, слабым, таким, что, кажется, никогда в жизни даже не поднимал тяжестей.

Настоящий учёный.

Цзян Шэнь задумался и уже хотел что-то сказать, когда сверху раздался голос.

— Но на горе Чанмин нет трав, способных вернуть мёртвых к жизни.

Он поднял голову — юноша сидел на дереве, хвост свободно свисал.

Несчастный учёный так испугался, что чуть не потерял сознание:

— Б-божественный... дух...

Цзян Шэнь взглянул на лисёнка с укором:

— Разве я не сказал тебе спрятаться и не выходить?

— Но ты ведь не можешь ему помочь, — возразил Ли Жуань.

— А ты можешь? — холодно спросил Цзян Шэнь.

— Нет, — Ли Жуань покачал головой. — Моей маны недостаточно, чтобы вытянуть человека с

того света.

Юноша чуть прояснился умом. Он опустился на колени и умоляюще сказал:

— Прошу вас, благие духи! Моя жена на грани смерти... если она уйдёт, она утащит с собой и ребёнка. Если с ней что-то случится, я сам не хочу жить. Пожалуйста, спасите мою жену и ребёнка! Я готов на любую цену!

Ли Жуань наклонил голову:

— Почему же ты не хочешь жить? Ты-то здоров. И лицо у тебя — судьба большого чиновника. После такого несчастья карьера у тебя пойдёт в гору. Зачем умирать?

Цзян Шэнь вздрогнул и поднял глаза на лисёнка.

Он впервые увидел, что тот умеет и физиогномику читать.

Говорили, что те, кто практикует, умеют считать судьбу — похоже, это правда.

Но юноша покачал головой:

— Все эти внешние вещи... разве они сравнятся с моей женой, что рядом со мной уже десять лет?

Он со слезами поклонился Ли Жуаню:

— Пожалуйста, спасите её! Спасите обоих!

Действительно предан.

Цзян Шэнь спросил:

— Кто сказал тебе, что на горе Чанмин есть трава для воскрешения?

— Э-это странствующий врач у столицы, — выдохнул юноша. — Я умолял его много дней, но он не смог помочь... и тогда сказал, что когда сам был на краю смерти, нашёл здесь траву, что спасла ему жизнь... Поэтому... я пришёл попытать счастья.

Цзян Шэнь посмотрел на него снова, но юноша только покачал головой:

— Я живу здесь много лет, но никогда не слышал о такой траве. Но... кто-то другой, может, и знает.

Цзян Шэнь:

— Ты имеешь в виду...

— Меня? — раздался ясный ленивый голос в лесу.

Уши Ли Жуаня встали торчком, он спрыгнул с дерева.

Из чащи вышел юноша в белом.

Ли Жуань мягко приземлился рядом и спросил:

— А-Сюэ, почему ты здесь?

— Наверное, потому что ты скучал по мне, — улыбнулся Линь Цзяньсюэ.

Он скользнул взглядом по лисьему хвосту:

— Столько времени прошло, а ты до сих пор никого не очаровал. Даже ушки и хвост спрятать не можешь.

— Тише! — Ли Жуань украдкой посмотрел на Цзян Шэня и прошептал: — Я стараюсь.

Линь Цзяньсюэ улыбнулся, ничего не ответил.

Он подошёл прямо к молодому учёному, даже не взглянув на Цзян Шэня.

Аккуратно поднял его с земли.

И, подняв руку, раскрыл ладонь — в ней появилась прозрачная, сияющая трава.

— Как только ты ступил на гору Чанмин, ты заблудился. Три дня блуждал по лесам, измотался до предела и, наконец, потерял сознание. А когда очнулся — в твоей руке уже была эта трава. И ты не знал, откуда она взялась.

Его голос был тихим, словно чужой сон, а в глазах, казалось, блестело серебро:

— Ступай обратно. И если только человек не окажется на грани отчаяния и смерти, никому не рассказывай об этом секрете. Даже тому, кто ближе всех.

Юноша словно пребывал в забытьи, а затем резко пришёл в себя, низко поклонился Линь Цзяньсюэ:

— Да! Благодарю, бессмертный! Благодарю, бессмертный!

Сказав это, он повернулся и, едва держась на ногах, пошёл обратно той же дорогой.

Ли Жуань подошёл ближе и с удивлением моргнул:

— Эта трава... правда может вернуть мёртвого к жизни?

— Это то же самое, что тот эликсир продолжения жизни, который я давал тебе раньше, — сказал Линь Цзяньсюэ. — Только в виде травы. Если бы я дал ему настоящий эликсир, он бы догадался, что на горе есть люди. Я не настолько глуп.

Ли Жуань кивнул.

— Логично. И всё же... выходит, ты не убиваешь каждого, кто попадает на гору. И ещё позволяешь ему рассказать секрет, если тот однажды столкнётся с отчаянной ситуацией... Разве это не приведёт сюда других людей?

Линь Цзяньсюэ не ответил сразу.

Он смотрел вслед удаляющейся фигуре и спокойно сказал:

— Сегодня третий день, как он блуждает здесь. За эти три дня я перепробовал множество способов заставить его повернуть обратно, но он всё равно упорно шёл дальше. Он пришёл с решимостью — поэтому я вышел к нему и дал траву.

Линь Цзяньсюэ слегка улыбнулся:

— Если бы все, кто приходит сюда, были такими же искренними и отчаянными — что плохого в том, чтобы исполнить их последнее желание?

— Человек такой стойкости и преданности — стоящая личность, — лениво заметил Цзян Шэнь.

Улыбка Линь Цзяньсюэ немного поблекла.

Цзян Шэнь шагнул вперёд и поклонился:

— Старший, я давно слышал о вас. Благодаря вам я остался жив — и давно хотел отблагодарить лично.

— Мне не нужно твоё спасибо. У меня был свой интерес в том, чтобы тебя спасти. Молодой господин Цзян, ты это прекрасно понимаешь.

Когда Линь Цзяньсюэ обращался к Цзян Шэню, голос его был намного холоднее, будто он и говорить с ним не особо желал.

Ли Жуань быстро подбежал к Цзян Шэню и тихонько дёрнул его за рукав:

— Не обращай внимания. А-Сюэ никогда не любит смертных.

— Всё нормально... — Цзян Шэнь посмотрел на прекрасное лицо юноши в белом и слегка нахмурился. — Только... мне кажется, я видел тебя раньше?

За всё время на горе Чанмин он лишь слышал рассказы Ли Жуаня об этом великом оборотне А-Сюэ.

Сегодня — первый раз, когда он увидел его.

Но это чувство узнавания... стало неожиданным.

Линь Цзяньсюэ поднял глаза:

— Но я никогда не встречался с господином Цзяном.

И правда — Цзян Шэнь не мог припомнить.

С таким лицом, если бы он видел его раньше, то точно бы запомнил.

Он долго думал и покачал головой:

— Наверное, я ошибся. Простите за дерзость, старший.

Ли Жуань легкомысленно сказал:

— А-Сюэ уже много лет не спускается с горы. Конечно, ты его не видел. Наверняка ошибся.

Цзян Шэнь тихо ответил:

— Да, ты прав.

Он вдруг вспомнил кое-что, взглянул в сторону, откуда ушёл тот учёный, и спросил:

— А он... не вспомнит нас?

— Не то чтобы не вспомнит, — сказал Ли Жуань. — Просто его память запутана.

— Это один из видов иллюзии. Он примет всё, что А-Сюэ сказал, за собственный опыт на этой горе. И поскольку в его подсознании теперь есть мысль «нельзя рассказывать этот секрет», он не станет болтать лишнего.

Ли Жуань продолжил:

— Но... если встретимся снова, настоящие воспоминания могут всплыть.

Это не самый надёжный метод.

— Почему бы просто не стереть ему память? — сказал Линь Цзяньсюэ. — Стирание и искажение воспоминаний — это высшие заклинания. Они требуют огромных затрат духовной силы. Мне лень этим заниматься.

— Вот именно! — Ли Жуань нахмурился. — Стереть память — это опасно. Если переборщить и он забудет даже собственную жену — будет плохо. Жалко, что моя мана ещё не восстановилась, а то я бы просто... стёр ему память о нас.

Цзян Шэнь спросил с интересом:

— Ты умеешь такие заклинания?

— Конечно! Я же говорил, что я очень сильный, и знаю много... — Ли Жуань только собрался похвастаться, но Линь Цзяньсюэ тихо развернулся и пошёл в глубину леса.

— А-Сюэ, ты уже уходишь? — окликнул его Ли Жуань.

— Должен же я уйти, — махнул тот рукой, даже не оборачиваясь. — А то ещё останусь слушать,

как вы тут флиртуете. Иди спать, молодой человек, у тебя слишком много сил.

После ухода Линь Цзяньсюэ Цзян Шэнь и Ли Жуань тоже пошли обратно.

Но Ли Жуань, похоже, о чём-то думал и молчал всю дорогу.

Цзян Шэнь спросил:

— О чём задумался?

— А? — Ли Жуань подскочил. — Как ты... нет, я ни о чём не думал.

Цзян Шэнь улыбнулся:

— У тебя всё на лице написано.

Этот маленький лис никогда не умел скрывать свои переживания. Сначала Цзян Шэнь не хотел давить на него вопросами, но чем ближе они подходили к пещере, тем сильнее Ли Жуань хмурился. Наконец Цзян Шэнь не выдержал.

— Я просто думал... — глаза Ли Жуаня опустились, он колебался. — Думал, что тот человек... наверное, очень любит свою жену. Так сильно, что готов умереть.

Цзян Шэнь примерно понимал, куда тот клонит. Мягко ответил:

— Да.

— Но... — Ли Жуань остановился. — Но я вроде как...

Он не может.

Он не мог понять, как человек может ради другого отказаться от всего, даже от жизни.

Если Цзян Шэнь ждёт именно такой любви... то он... не может.

Ли Жуань тревожно замолчал.

И тут его по голове легко щёлкнули.

— Опять придумываешь лишнее, — сказал Цзян Шэнь, убрав руку и глядя серьёзно. — Когда я просил тебя об этом?

— Чувства должны приносить радость. Разве у большинства людей любовь появляется сразу, да ещё такая всепоглощающая? Не говори, что ты не сможешь. Даже если бы ты смог — я бы не хотел, чтобы ты так делал. Понял?

— Я просто хочу, чтобы ты нравился мне чуть-чуть больше. Не надо сразу вот так.

Ему и правда хватало того, что лисёнок вообще принял его.

У них есть время — можно идти медленно.

Но Ли Жуань только уныло вымолвил:

— Но я очень хочу двойное культивирование.

Цзян Шэнь: —...

Он давно понял: весь этот поток переживаний у лисёнка — лишь потому, что он боится, что это помешает двойному культивированию.

Говорить серьёзно с этим маленьким оборотнем — бесполезно.

Цзян Шэнь едва не рассмеялся от бессилия. Он подумал немного и сказал:

— Слышал, вы с А-Сюэ говорили... что ты хочешь попробовать меня соблазнить?

Ли Жуань отвёл взгляд и замялся:

— Эм... да? Наверное? Было что-то такое.

Он не смущался — просто ему было стыдно.

Лисы-оборотни рождены, чтобы очаровывать. А он — вроде как — не умеет.

Иногда Ли Жуань даже думал, что, может, он в колодце перерождения не того младенца выбрал — и вообще не лис.

— Нет? — нарочно сказал Цзян Шэнь. — Жаль. Я уже переживал, что если ты взаправду начнёшь меня соблазнять... боюсь, я долго не выдержу.

Глаза Ли Жуаня распахнулись:

— Правда?

— Правда, — ответил Цзян Шэнь с улыбкой, наклоняясь ближе.

Тихо, тёплым голосом:

— Ну так... как же ты собираешься меня соблазнять?

<http://bllate.org/book/14444/1277237>